

Содержание

Введение	6
Глава 1. Устная библиотечная форма как культурно-историческое явление	10
Глава 2. Чтения как форма библиотечного мероприятия	21
Глава 3. Литературный вечер в публичной библиотеке: от прошлого в будущее	29
Глава 4. Лектории в публичной библиотеке: традиции и инновации.	33
Глава 5. Диалоговые формы библиотечной деятельности	41
Глава 6. Дискуссионный клуб в библиотеке: стратегия творчества.	49
Глава 7. Устный журнал в библиотеке: вчера и сегодня	56
Глава 8. Словесно-интеллектуальные игры в библиотеке: вектор развития.	59
Глава 9. Инноватика отечественных библиотек в пространстве живого слова.	66
Глава 10. Устные формы библиотечной деятельности: зарубежный опыт.	79
Глава 11. Проблема оценки эффективности устных форм библиотечной деятельности	86
Глава 12. Пути подготовки библиотекаря — мастера устной формы	90
Заключение	96
Список литературы.	99
Приложения	115

Введение

«Живое слово» — это глубокая и емкая метафора, которая была привнесена в мировую культуру из фольклорной традиции. В мифопоэтических системах, в преданиях разных народов мы встречаемся с животворящим словом, тесно связанным с древом познания добра и зла. Так, например, герой кельтского эпоса Один висел в ветвях дерева на ветру девять дней и девять ночей ради познания рун: «... Стал созревать я и знания множить, расти, процветая; слово от слова слово рождало, дело от дела дело рождало. Руны найдешь и постигнешь знаки... Умеешь ли резать? Умеешь разгадывать?» [126, с. 407].

В представлениях человека античности существовала четкая граница между живым (устным) и мертвым (письменным) словом, при этом живое слово имело значительные преимущества над мертвым словом.

В «Диалогах» Платон рассказывает о своем учителе Сократе, который ничего никогда не записывал, считая, что записанное слово по своей сути уже другое [142].

В «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля зафиксирована пословица о живом слове: «Слово слово родит, третье само бежит», «живым словом победить» [69, с. 222].

По мысли Д.С. Лихачева, устное слово, обращенное к слушателям, на Руси помогало объединению людей, воспринималось как «средство укрепления единомыслия» [106, с. 4–5].

Принятие христианства на Руси способствовало распространению устной традиции.

В Псалтыри (Ветхий Завет), которая была настольной книгой для нескольких поколений читателей, говорится о бесконечности познания верующими Божественного слова: «День дню передает речь, и ночь ночи открывает знания» [36, с. 576].

В Послании к евреям апостола Павла (Новый Завет) живое слово или слово Божие толкуется как творческий акт созидания нового мира: «Слово Божие живо и действенно и острее всякого меча обоюдоострого...» [36, Евр. 4; 12, с. 265].

Живое слово являло себя в духовной литературе, в житиях святых, которые были предназначены для чтения вслух, «на добрую удачу и пользу тех, кто слушает» [37, с. 56].

Не будем забывать, что чтение вслух как явление мировой культуры появилось значительно раньше, чем чтение про себя.

Рапсоды античного мира, лекторы средних веков, сказители, калики переходные — все это традиция живого (устного) слова, которая устойчиво сохранялась в веках, обретая новые формы своего существования.

В России живое слово было в забвении долгие годы. До 1864 г. громко разговаривать могло лишь небольшое сословие актеров. С введением суда гласных получили возможность выступать публично адвокаты, судебные деятели. И только с распространением демократических процессов в обществе, в конце XIX — начале XX в., живое слово зазвучало «во весь голос».

Публичная библиотека как «мягкий» социально-культурный институт стала комфортной средой обитания живого слова, которое представлено во всем многообразии форм его проявления.

Основная цель настоящей книги — проследить эволюцию форм живого (устного) слова в публичных (общедоступных) библиотеках на протяжении XIX — XXI вв.

Необходимо было решить следующие задачи:

— определить специфику распространения живого (устного) слова как культурно-исторического явления;

— выявить формы живого (устного) слова и жизненный цикл их существования в условиях библиотек;

— изучить всю «цветущую сложность» разнообразных форм проявлений живого слова в деятельности отечественных и зарубежных библиотек;

— проанализировать видовые разновидности устных форм библиотечной деятельности по количественно-качественным показателям;

— исследовать характер изменений отдельных устных форм в библиотечной практике;

— спрогнозировать особенности развития живого (устного) слова в эпоху новых информационных технологий.

В результате осуществление данных задач и позволило бы автору научного исследования определить основные закономерности возникновения, распространения, функционирования и отмирания отдельных устных форм библиотечной деятельности.

Автор попытается представить научное знание о формах воплощения живого слова в единой сетке координат различных

гуманитарных дисциплин (риторики, словесности, библиотековедения, культурологии, семиотики и др.).

Методологической базой данного исследования стали:

научные работы специалистов по словесности Ф.И. Буслаева, В.И. Водовозова, М.А. Рыбниковой, В.Г. Маранцмана, В.Ю. Троицкого и др. [43, 54, 156, 113, 177];

труды по риторике и ораторскому искусству Аристотеля, М.В. Ломоносова, С.И. Поварнина, Е.А. Ножина, А.В. Шешова, З.В. Савковой [10, 108, 143, 131, 168, 157];

концепции ученых по семиотике Ю.М. Лотмана, Р. Барта, У. Эко [111, 19, 193];

достижения культурологических исследований А.Ф. Лосева, Г.С. Кнабе, П.С. Гуревича, Х. Ортега-и-Гассета, Й. Хейзинга, А.И. Кравченко [109, 92, 66, 137, 183, 96];

труды представителей культурологической школы в психологии А.Н. Леонтьева, Л.С. Выготского [101, 57];

научные работы библиотековедов Н.А. Рубакина, В.Ф. Сахарова, Л.Б. Хавкиной, А.А. Покровского, В.А. Невского, Е.А. Горш, К.И. Абрамова, А.Н. Ванеева, С.Г. Матлиной, В.А. Бородиной, В.П. Леонова и др. [153, 158, 181, 144, 130, 63, 2, 47, 116, 39].

Кроме того, были использованы отдельные концепции В.А. Зеленко, Е.Н. Медынского, В.П. Вахтерова, Д.И. Шаховского, А.С. Пругавина, Н.К. Пиксанова, Н.Я. Эйдельмана, К. Поппера [81, 119, 51, 188, 147, 141, 192, 146].

Просеянные через сито времени, некоторые библиотечные формы живого слова сохранились и дошли до наших дней, другие, наоборот, канули в Лету.

Автор не ставил перед собой глобальной и недостижимой задачи подробно охарактеризовать всю существовавшую палитру проявлений живого слова в библиотеках на протяжении двух веков. К сожалению, до наших дней дошли отдельные фрагменты научного знания, посвященные библиотечному делу.

Поэтому в центре нашего исследования лишь некоторые наиболее устойчивые формы — долгожители живого слова.

Особое внимание автор уделит диалоговым и полилоговым формам библиотечного обслуживания, считая их наиболее перспективными и с точки зрения внедрения новых информационно-коммуникационных технологий.

Данная книга предназначена для библиотечных специалистов публичных библиотек, аспирантов, магистров, студентов библиотечных колледжей и университетов культуры и искусств.

Отзывы и замечания просим направлять по электронной почте tbLovkova@mail.ru или по адресу: 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб. 2/4, СПбГУКИ, кафедра библиотековедения и теории чтения, автору – Т.Б. Ловковой.

Глава 1. Устная библиотечная форма как культурно-историческое явление

При исследовании библиотечной реальности библиотековеды нередко привлекают и активно используют терминологию других наук — психологии, социологии, маркетинга, менеджмента и т.д. С одной стороны, данная тенденция помогает обогащению и развитию терминологии библиотековедения как науки; с другой — несет полисемию, логический диссонанс, терминологическую путаницу. Ведь любая терминосистема, обладая такими свойствами, как целостность, точность, полнота, однозначность, призвана адекватно отражать и упорядочивать наши представления о реалиях мира, стремясь преодолеть дисгармонию хаоса. Библиотечная теория все-таки не должна вступать в противоречие, тем более в конфронтацию с библиотечной практикой.

Библиотековеды советского периода, находясь под жестким идеологическим диктатом, было вынуждено отвергнуть многие культурные достижения своих предшественников по классовым соображениям, как буржуазные и социально чуждые.

Жизнь Страны Советов начиналась с чистого листа, с нового календаря, с новой орфографии.

Марксистско-ленинские взгляды призывали советских ученых твердо стоять на материалистических позициях, когда в соотношении базиса и надстройки главенствующим является базис, а содержание превалирует над формой.

Концепции живого слова были преданы историческому забвению, а их разработчики (А.С. Пругавин, Д.И. Шаховской, В.А. Зеленко, А.Я. Виленкин и др.) попали под жернова репрессий [147, 189, 81, 53].

В 70–80-е гг. XX в. устные формы тесно связываются с понятием «массовая работа библиотек», что фиксируется и закрепляется в терминологических словарях, а также в работах многих библиотековедов.

В «Справочнике библиотекаря» тщательно рассмотрены такие формы массовой работы, как литературные вечера, диспуты, устные журналы, читательские конференции, общественно-политические чтения, клубы читателей и др. [165].

Развернутый термин «массовая работа библиотек» представлен в терминологическом словаре «Библиотечное дело» [34].

Ученые-библиотековеды в структуре библиотечной деятельности выделяют «цели», «субъект», «объект», «содержание (контент)», «технологии», «средства организации (формы и методы)», «условия протекания (библиотечная среда)», «результат».

Формами называют большой массив явлений библиотечной жизни, которые в разные периоды происходили в библиотеках.

Кроме понятия «форма», в понятийно-терминологическом аппарате библиотековедения также используется понятие «библиотечное мероприятие». Некоторые ученые определяют понятия «форма» и «библиотечное мероприятие» как равновеликие, что, на наш взгляд, является логической ошибкой.

В терминологическом словаре по библиотечному делу (1997 г.) используется термин «библиотечное мероприятие» — обобщающее понятие для устных и комплексных форм библиотечных услуг (день информации, библиотечный урок, литературный вечер, читательская конференция, устный библиографический обзор и др.) [35, с. 22].

Большие терминологические трудности вызывает соотношение понятий «форма» и «метод».

Ряд специалистов употребляют данные понятия как идентичные.

Другие ученые используют одно из двух понятий: либо «форма», либо «метод».

Третьи — и мы разделяем данную позицию — разграничивают понятия «форма» и «метод».

На наш взгляд, понятие «форма» должно в первую очередь соотноситься с понятием «содержание» («контент»), а не «метод».

Форма по отношению к содержанию — более гибкое, динамичное, непостоянное явление. Определенное содержание библиотечного мероприятия требует заданной формы, но одно и то же содержание может быть выражено в различных формах.

Однако в библиотековедении понятия «форма» и «метод» всегда стоят рядом. Возможно, это произошло оттого, что на библиотековедение оказала большое влияние педагогика.

Под устной формой мы будем понимать закреплённый библиотечной практикой относительно устойчивый духовно-материальный конструкт, имеющий определенное целевое и читательское назначение.

Публичная библиотека как социально-культурный институт создает собственно библиотечные формы, трансформирует, адаптирует

и модернизирует «чужие» формы, взятые из других отраслей культуры (школоведения, театроведения, клубоведения, телевидения и др.).

Библиотечная форма по сравнению с другими элементами структуры — наиболее динамичное и гибкое явление библиотечной жизни, постоянно изменяющееся в зависимости от социокультурной ситуации в стране.

Порой очень трудно выявить исторические истоки той или иной устной формы. Наиболее древними по своему происхождению являются «чтение вслух» (громкие чтения), беседы, диспуты, лекции, литературные вечера.

Гражданские реформы и распространение идей народничества в России в 60—80-е гг. XIX в. способствовали открытию «народных домов», библиотек для народа, воскресных школ для взрослых, народных университетов, курсов, кружков, которые вели большую просветительную работу, получившую название «внешкольное образование».

Проблемы внешкольного образования взрослых в конце XIX — начале XX в. разрабатывались В.П. Вахтеровым, А.Я. Виленкиным, А.У. и В.А. Зеленко, Е.Н. Медынским, В.А. Невским, А.С. Пругавиным, Н.А. Рубакиным, В.И. Чарнолуским и др. [51, 53, 81, 119, 130, 147, 155, 166].

Специалисты-«внешкольники» (или «культурники», как их иногда называли в те годы) задолго до известной сегодня пирамиды Абрахама Маслоу подробно очертили весь спектр духовных потребностей личности, связанных с формированием ее мирозерцания, расширением жизненного кругозора, развитием интеллектуальной и эмоционально-волевой сферы в пространстве свободного времени.

«Общее развитие человека, — писал В.П. Вахтеров, — достигается беседами, спорами, чтением» [51].

Библиотековеды данного направления культурной работы библиотек были убеждены, что в библиотеках надо проводить лекции, доклады, устраивать громкие чтения, выставки, праздники, спектакли, концерты, экскурсии, кружки и многое другое.

В конце XIX в. в публичных библиотеках России получают широкое распространение такие форма живого слова, как литературные вечера, беседы, утреники (литературные утра), чтения.

В начале XX в. дореволюционная школа уделяла самое пристальное внимание преподаванию словесности.

В России словесность всегда рассматривалась как «мерило того духовного развития, которого в данную эпоху достиг народ на пути общечеловеческого совершенства» [43, с. 420].

Русские писатели (вплоть до конца XX в.) играли роль вития, глашатая, пророка.

Словесность была обязательным предметом для обучения и в классических гимназиях, и в реальных училищах, и в военных заведениях.

Начало XX столетия было связано с оживлением деятельности демократически настроенной интеллигенции: активно проводились съезды учителей, земских деятелей, книгоиздателей, библиотекарей, специалистов в области технического образования и т.п. В «Трудах I Съезда преподавателей русского языка и литературы в военно-учебных заведениях» отмечалось: «Пусть вместо грамматики получит преобладающее значение в нашей школе живое слово, литература, и уровень просвещения быстро будет подниматься» [177, с. 61].

Бурлит и литературная жизнь России: литературный процесс представлен множеством течений, направлений, объединений, школ, представители которых спорят между собой, активно используя живое (устное) слово.

Атмосфера тех далеких лет нашла свое отражение в дневниках, мемуарах современников, в литературно-художественных произведениях Г.В. Адамовича, А. Белого, Н.Н. Берберовой, А. Блока, Р. Гуля, Г. Иванова, Н. Одоевцевой, М. Осоргина, В. Ходасевича, К. и Н. Чуковских, В. Шкловского и др. [2, 24, 27, 38, 65, 82, 132, 184, 186, 187].

Основным местом публичных литературных встреч в Москве и Петрограде стали: Клуб писателей (Москва), Музей Политехнического института (Москва), Дом печати (Москва), Дом Мурузи (Петербург), Дом литераторов (Петроград, 1918–1921), Дом искусств (Петроград, 1919–1923), Институт Живого Слова (1918–1921), артистические кабаре «Бродячая собака», «Привал комедиантов», «Стойло Пегаса» и др.

Читающая публика имела возможность познакомиться с новой литературой, задать писателям интересующие ее вопросы.

По воспоминаниям современников, материалам стенограмм литературных встреч, фотографиям мы можем сделать выводы о том, какие литературные проблемы волновали читателей, каков был состав участников литературных дискуссий, как осуществлялось их руководство.

Литературные дискуссии протекали на двух уровнях: с одной стороны, существовали многочисленные так называемые понедельники, среды, четверги и т.п., на которых встречался узкий круг

писателей, художников, артистов, «равных среди равных»; с другой стороны, устраивались открытые литературные собрания с привлечением и участием «рядовой» публики.

В Доме Мурузи с 1889 по 1914 г. проживала семья Зинаиды и Дмитрия Мережковских. На квартире у них был открыт литературный салон. Особенностью литературных салонов и кружков в России всегда было то, что наряду с чисто литературными вопросами неизменно возбуждались на собраниях вопросы иного порядка, литературные темы обсуждались на широком фоне общих проблем — общественно-политических, социальных, философских и др.

В эпоху религиозно-философского ренессанса, каким стало начало века, спорили не столько о литературе, сколько о буддизме, пантеизме, православной церкви, христианстве, самодержавии, общественном развитии и путях России.

«Салон Мережковских стал соединительным звеном между салонами конца XIX в. («пятницами» Случевского, «средами» Полонского) и такими центрами культуры «серебряного века», как «Башня» Вячеслава Иванова, вечера Ф. Сологуба, «среды» барона Дризена» [93].

Литературные встречи на «Башне» Вячеслава Иванова, «тесной башне над городом мглы», после перерыва в течение 1907—1908 гг. возобновились в 1909—1912 гг.

«Это были годы, — пишет С.К. Маковский в известных воспоминаниях «На Парнасе Серебряного века», — неистовой богемы в Петербурге, борьбы поэтических направлений, возникновения всяких крайностей и пряностей и в живописи, и в театре, и в поэзии».

Гостями «Башни» Вячеслава Иванова были И. Анненский, А. Ахматова, А. Белый, А. Блок, Н. Гумилев, С. Городецкий, Ф. Зелинский, М. Кузмин, О. Мандельштам, В. Пяст, А. Ремизов, Ф. Степун, А. Чапыгин; члены религиозно-философского общества Н. Бердяев, С. Булгаков, Ю. Верховский, С. Каблуков, Н. Лосский, Д. Философов, В. Шестов и многие другие.

Большую просветительную работу вел Институт Живого Слова, основанный в 1918 г. на базе Института истории искусств.

Институт Живого Слова имел три отдела: научный, учебный и просветительный.

В «Положении об Институте Живого Слова» было записано: «Просветительный отдел имеет целью способствовать широкому распространению и популяризации знаний и мастерства во всех областях Живого Слова, для чего устраивает в разных местах:

- 1) краткосрочные курсы;
- 2) общества, клубы, кружки и пр.;
- 3) собрания, публикации, диспуты, митинги и пр. по вопросам о живом слове;
- 4) издает и способствует изданию популярных руководств по вопросам живого слова;
- 5) способствует введению в программы учебных заведений и внешкольных общеобразовательных учреждений курсов по живому слову и пр.» (архивные материалы, 1, с. 14).

Преподавателями Института Живого Слова были В.В. Всеволодский-Генгросс, Н.С. Гумилев, А.Г. Жеребцова-Андреева, А.Ф. Кони, С.И. Поварнин, Л.В. Щерба, К.А. Эрберг, Б.М. Энгельгард, П.О. Эфрусси и др. [79].

В одной из докладных записок А.В. Луначарского от 21 октября 1921 г. отмечалось: «... Институт, как студенты, так и руководители, зараженные революционным энтузиазмом, выносили результаты своих достижений в широкие пролетарские массы, устраивали как в стенах института, так и в рабочих клубах доклады, рефераты, лекции, вечера художественного рассказывания, эпоса, сказок, былин, революционных инсценировок, сольной и коллективной (хоровой) декламации произведений пролетарских и революционных писателей, чего, кроме Пролеткульта и Института, никто не делал» [архивные материалы, 4 с., 16].

На I Всероссийском съезде по библиотечному делу (1911 г.), который был проведен по инициативе Петербургского общества библиотекосведения (основано в 1908 г.), подчеркивалось, что библиотеки не должны ограничивать свою работу простой выдачей книг, но обязаны заниматься организацией курсов, клубов для взрослых, созданием музеев, курсов самообразования, кружков для лиц, интересующихся какой-либо отраслью знания, чтением публичных лекций [178].

Культурная традиция живого (устного) слова бережно поддерживалась в эмиграции. Самый массовый выезд русских за границу начался после Октябрьской революции 1917 г. Поток эмигрантов оформился в так называемую первую волну.

«Первая волна» эмиграции была непосредственным следствием революции и гражданской войны. Ее масштабы и сегодня вызывают споры ученых. Самой главной особенностью эмиграции было то, что ее представители стремились сохранить родной язык, традиции и обычаи, русскую культуру за рубежом.

По неполным данным, после 1917 г. миллионы россиян, точное число которых не подсчитано и сегодня, покинули свою Родину.

Это был цвет русской литературы: И. Бунин, А. Аверченко, К. Бальмонт, З. Гиппиус, М. Алданов, Б. Зайцев, Вяч. Иванов, А. Куприн, М. Осоргин, А. Ремизов, И. Северянин, И. Шмелев, Саша Черный, Г. Адамович, В. Ходасевич, М. Цветаева и многие другие писатели. Уехало 500 ученых, среди которых было 150 профессоров высших учебных заведений.

Культурные центры эмиграции в 1920–30-е гг. существовали во всех столицах Европы: Берлине, Париже, Праге, Софии, Белграде, а также в Шанхае и Харбине.

21 ноября 1921 г. в Берлине был открыт русский Дом искусств. В Доме искусств началась работа трех секций: литературной, музыкальной, изобразительных искусств.

В качестве основной учредители (среди них были А. Белый, А. Ремизов, А.Н. Толстой) ставили цель укрепить связи между советской, эмигрантской и зарубежной интеллигенцией для развития культурной жизни.

Члены Дома искусств собирались в кафе-библиотеке, читали новые произведения, обсуждали заметные явления в литературном процессе России и Запада.

На первой «субботе» слушали А. Ремизова, А. Белого, И. Эренбурга. В дальнейшем здесь выступали с докладами и лекциями А.Н. Толстой, З.А. Венгерова, Т. Манн, В.Б. Шкловский, М.И. Цветаева, В.Ф. Ходасевич, В.В. Маяковский, Н.А. Оцуп и многие другие.

Берлинский Дом искусств стремился установить тесный контакт с советскими организациями (петербургским Домом литераторов, Домом искусств).

Однако идеологические и финансовые трудности не дали возможности реализовать многие планы культурных мероприятий.

Видимо, прав был Р. Гуль, который утверждал, что в конце 20-х гг. Берлин перестает быть столицей русского зарубежья [65].

Другим центром культурной жизни русской эмиграции стала Прага.

Правительство Чехословакии и президент Т.Г. Масарик в 1922 г. провели Русскую акцию. Из фонда президентской канцелярии, дополненные благотворительной поддержкой, были выделены специальные средства, на которые были организованы Русский университет, Технический институт, Русский народный университет в Праге (основан в 1923 г.) и Сельскохозяйственная школа.

Для студентов-эмигрантов были установлены стипендии, преподавание велось на славянских языках.

Благодаря этому Прага стала центром научной и литературной жизни русской эмиграции. В библиотеках Праги насчитывалось около трехсот тысяч русских книг.

Накануне Второй мировой войны в стране ежегодно издавалось около двадцати журналов и восемнадцати газет на русском языке.

В 1921 г. в Праге вышел первый номер сборника «Смена веков», который стал заметным этапом в развитии эмигрантской общественной мысли.

В 1922 г. в Чехословацкой республике был создан Союз русских писателей и журналистов (1922–1941 гг.).

В это время в Праге кипела оживленная политическая жизнь, часто устраивались диспуты и собрания, различные политические акции, митинги, выносили различные резолюции.

По инициативе Союза русских писателей и журналистов было организовано и проведено свыше 100 публичных литературных и литературно-художественных вечеров, приуроченных главным образом к различным юбилейным датам.

Так, были проведены юбилейные литературные мероприятия, посвященные А.С. Пушкину, Л.Н. Толстому, И.С. Тургеневу, Ф.М. Достоевскому и многим другим русским писателям.

В 20-е гг. XX в. отечественные библиотековеды (П.И. Гуров, Л.Р. Коган, А.Ф. Кухарский, В.А. Невский, А.А. Покровский, В.Ф. Сахаров, Л.Б. Хавкина и др.) начинают активно заниматься разработкой проблем, связанных со всем комплексом форм и методов обслуживания читателей в условиях массовых библиотек [67, 94, 99, 130, 145, 158, 181].

Особый интерес для нас представляет исследование Е.А. Горш, предметом изучения которого стали содержание и формы массовой работы библиотек в 1921–1925 гг. [63].

Так, формами библиотечной работы автор называла громкие чтения, беседы, лекции, вечера рецензий, вечера обсуждений новых произведений советской литературы. Кроме того, библиотековед предложила рассматривать устные формы вне зависимости от содержания книг, которым они посвящены. Е.А. Горш предложила разделить их по «степени активности в них читателей» на два вида: вечера, проводимые силами библиотекарей, специалистов (устные журналы, тематические вечера, вечера вопросов и ответов и др.), и вечера свободных дискуссий, главными участниками которых являются сами читатели.

Как писал Я. Ривлин в статье «Минимум активности городской библиотеки» (1925 г.): «Третьим элементом минимума активности городской библиотеки должны составить живое общение читателей и живой обмен мнений» [152, с. 32].

Двадцатые годы во многом стали пространством для эксперимента в области культурной работы массовых (общедоступных) библиотек, когда библиотекари в поиске новых форм шагнули за библиотечный порог.

Вместе с тем те или иные формы культурной деятельности получают поддержку со стороны библиотекарей именно потому, что с их точки зрения считаются традиционными, обнаруживая тесную связь с книгой.

Надо отметить, что разграничение форм библиотечного обслуживания на традиционные («книжные») — например, беседы о книгах, библиографические обзоры, литературные чтения — и нетрадиционные («некнижные») — например, диспуты, вечера воскресного отдыха, бенефисы читателей — сохраняется до наших дней.

В 20-е гг. XX в. живое слово в массовых библиотеках представлено в виде вечеров рабочей критики, вечеров рецензий, литературных диспутов, бесед, живых газет, литературных судов и др.

В 30-е гг. в стране развернулась серьезная работа по оказанию помощи в овладении основами научных знаний (по преимуществу естественных и технических). В библиотеках получают развитие вечера технической книги, дни изобретателей и рационализаторов, вечера науки.

С февраля 1937 г. (год 100-летия со дня смерти А.С. Пушкина) в массовых библиотеках страны стали отмечать Пушкинские дни (в феврале и июне).

Однако надо отметить, что к концу 30-х гг. в библиотечной работе наблюдается спад, связанный с репрессиями против многих видных деятелей культуры и науки, писателей, поэтов. Конец 30-х гг. стал периодом затишья массовой работы с читателями по сравнению с предыдущим десятилетием.

В условиях военного времени (1941—1945 гг.) после выхода Постановления Государственного Комитета Обороны от 17 сентября 1941 г. «О всеобщем обязательном обучении военному делу граждан СССР» при массовых библиотеках и в клубах-читальнях, которые незадолго до этого были преобразованы из изб-читален, в помощь Всеобучу для населения проводились устные лекции и консультации по вопросам военного времени.

Для раненых бойцов во многих госпиталях силами библиотечных специалистов систематически организовывали политинформации, громкие чтения, литературные вечера, читательские конференции.

В 1947 г. возникло Общество по распространению политических и научных знаний (общество «Знание»). В дальнейшем при массовых библиотеках создавались лектории, где читались как отдельные лекции, так и циклы лекций самой различной тематики.

Времена «поэтического взрыва» конца 50-х — начала 60-х гг., когда в литературу стремительно вошла целая плеяда таких новых поэтов, как А. Вознесенский, Б. Ахмадулина, Е. Евтушенко, Р. Рождественский и др., способствовали рождению такой формы, как День поэзии.

Одной из первых, кто провел для читателей День поэзии, была государственная массовая библиотека (ныне — Центральная городская публичная библиотека им. Н.А. Некрасова) в Москве.

В наши дни многие библиотеки страны проводят праздники поэзии. По решению ЮНЕСКО Всемирный день поэзии ежегодно отмечают 21 марта, в день весеннего равноденствия (в память о культурном вкладе персидской поэзии в мировую литературу).

С середины 70-х гг. в массовых библиотеках открываются клубы книголюбов.

Члены Добровольного общества любителей книги (1974 г.) устраивали праздники книги, литературные встречи с писателями, различные конкурсы и др.

Широкое распространение в 70-е гг. получили тематические читательские конференции, устные журналы, премьеры книги, дни, уроки (мужества, библиотечно-библиографических знаний, по культуре чтения) и др.

В 80-е гг., в период новой, «перестроечной», волны демократизации общества, общедоступные библиотеки стали удобным местом проведения литературных и политических дискуссий.

На рубеже XX — XXI вв., в связи с глубинными экономическими, социально-политическими и культурными изменениями, начинается разрушение единой парадигмы духовных ценностей российского общества, а также деформация процесса воспроизводства культурной матрицы.

В этот период наблюдаются:

- падение престижа библиотеки, книги и чтения в обществе;
- устойчивый рост числа «нечитателей» (21 % — в 1991 г., 23 % — в 1993 г., 34 % — в 2003 г., 37 % — в 2006 г.);

– разрушение добрых традиций и обычаев, когда даже у читающих родителей выросли нечитающие дети;

– господство средств массовой информации, для которых упоминание о библиотеке связано чаще всего с негативом – пожарами, стихийными бедствиями, хищениями книг и т.д.;

– интенсивное развитие новых информационных технологий, что и потребовало от библиотекарей активного поиска и внедрения новых форм живого слова.

Таким образом, анализируя культурную деятельность общедоступных библиотек, мы обнаруживаем постоянное поступательное наращивание форм живого (устного) слова во времени и пространстве по принципу культурного разнообразия, от простого к сложному.

Демократизация российского общества (в 80-е гг. XIX в., на рубеже XIX – XX вв, в 60-е, 80-е гг. XX в.) способствовала развитию устных библиотечных форм, воспроизводя традиционные и рождая новые формы живого слова.

Глава 2. Чтения как форма библиотечного мероприятия

В наши дни продолжает активно развиваться область читателеведения – комплексного междисциплинарного знания о специфике чтения и читательской аудитории. Об этом свидетельствует появление многочисленных исследований по проблемам чтения.

Картину чтения изучают государственные структуры: ВЦИОМ, Всероссийская книжная палата, библиотеки разного уровня (РНБ, РГБ, РГБМ, РГДБ, публичные, вузовские и др.), научные учреждения (Институт культурологии, Институт искусствоведения РАН), университеты разных рангов и пр.

Свой весомый вклад вносят некоммерческие организации: Левада-Центр, Центры чтения, Русская ассоциация чтения, Всероссийский союз книжников, НФ «Пушкинская библиотека» и т.п. Коммерческие структуры проводят маркетинговые исследования книжного рынка и особенностей чтения в современной России.

В последнее пятилетие теория чтения обогатилась концепциями трех докторских диссертаций в области читателеведения: В.Я. Аскаровой (Челябинск), В.А. Бородиной (Санкт-Петербург), Н.Н. Сметанниковой (Москва) [14, 40, 160].

Вместе с тем теоретико-методологические основы и терминосистема данной отрасли знания еще не оформились окончательно, что требует дальнейшей научной разработки. Так, современный читатель и сам процесс чтения представлен во множестве зеркал (социологических, социально-психологических, культурологических и других исследований), что затрудняет структурирование целостного интегрального знания.

Парадоксально, но сегодня в каждой науке – книговедении, литературоведении, библиотековедении, психолингвистике и пр. – имеются свои научные представления о «своем» читателе и «своем» процессе чтения, и они не сводятся воедино, не ложатся в общую канву.

Типо-видовая структура чтения в целом очерчена и изучена современными исследователями довольно слабо. Употребляется свыше 50 атрибутивных характеристик чтения, но далеко не все из них имеют научные обоснования.

На понятийно-терминологическом поле мирно уживаются такие понятия, как: «чтение вслух», «громкое чтение», «публичное чтение», «выразительное чтение», «литературное чтение», «художественное чтение», «чтения» и др.

Не будем забывать, что развитие читателеведения в России (термин был введен в научный оборот литературоведом А.И. Белецким в 1918 г.) носило дискретный характер. Научные достижения исследователей-составителей первых программ по изучению читателя «из народа» – Д.И. Шаховского, А.С. Пругавина, Н.А. Рубакина – были на длительный период преданы забвению [190, 147, 153].

«Литературное чтение» как предмет для обучения школьников начальных (1–4-х) классов, согласно Федеральному государственному образовательному стандарту нового поколения представляет собой интегрированный учебный курс, который включает в себя стройную систему форм и методов обучения и воспитания, связанную с читательским развитием личности учащегося.

Опираясь на базовую программу, программы учителей «Литературного чтения» объединяют содержания курсов литературы (точнее, словесности), речевого развития, художественного образования и литературно-художественного творчества. Тем самым читательское развитие личности школьника предлагается осуществлять по всем видам интеллектуальной деятельности – говорению, слушанию, чтению, письму.

Особое место в школьной и библиотечной практике занимают так называемые чтения. Теория чтения не выработала еще точного научного определения данного понятия, которое употребляется в разных значениях.

Составители «Справочника библиотекаря» и «Краткого справочника школьного библиотекаря» понимают под чтениями литературно-художественные композиции, представляющие собой циклы библиотечных мероприятий, связанных главной темой. В основе чтения, по мнению авторов, лежат специально разрабатываемые сценарии. Участниками чтений являются читатели, библиотекари, приглашенные писатели или артисты, участники художественной самодетельности и т.д. [164, 97].

Зыбкость научных оснований приводит к тому, что чтениями сегодня называют и публичные собрания, на которых авторы (или другие участники мероприятия) читают вслух литературные произведения. В то же время к «чтениям» относят и научные конференции, традиционнопотекающие в виде представления и обсуждения докладов.

В 1843 г. в Москве были устроены публичные чтения современных писателей. Инициатором и организатором чтений стал актер М.С. Щепкин. Он привлек к участию других московских артистов. Сам М.С. Щепкин на литературных чтениях прочел произведения Н.В. Гоголя «Старосветские помещики», «Шинель», «Театральный разъезд», отрывки из «Тараса Бульбы». В письме-отклике на это событие Н.В. Гоголь пишет в статье «Чтение русских поэтов перед публикою (Письмо к Л***)»: «Я думал всегда, что публичное чтение у нас необходимо. Мы как-то охотнее готовы действовать сообща, даже и читать; поодиночке у нас всяк ленив и, пока видит, что другие не тронулись, сам не тронется».

С этого времени литературные чтения перестают быть преимущественно делом закрытых литературных салонов и кружков, начинают звучать не только в авторском исполнении.

Мы знаем, какими блестящими чтецами своих произведений были А.С. Пушкин, Н.В. Гоголь, И.А. Крылов и другие писатели той поры.

В Санкт-Петербурге в концертном зале «Пассажа» в 1860 г. проходили литературные чтения Т.Г. Шевченко, Ф.М. Достоевского, А.Н. Майкова, Я.П. Полонского и др.

Чтение вслух и выразительное чтение всегда являлись целью обучения (в Благородном пансионе при Московском университете, в Александровском лицее, гимназии Карла Мая и других учебных заведениях Российской Империи). При этом первое играло роль учебного чтения, второе рассматривалось в качестве контрольного [160].

Примечательно, что к пониманию важности чтений как метода обучения педагоги и библиотекари пришли почти одновременно.

Дальнейшее распространение чтений связано с процессом становления капиталистических отношений и демократизацией общества, открытием сети народных библиотек во второй половине XIX в.

С 1871 г. в стране начинают организовывать народные чтения, которые по своей сути являлись разновидностью литературных чтений.

Анализ народных чтений в библиотеках России конца XIX в. наглядно представлен в научном труде А.С. Пругавина [147].

Парадигма количественно-качественных характеристик народных чтений как культурного явления, предложенная ученым, важна и современным исследователям литературного чтения.

Наряду со статистическими данными, А.С. Пругавиным были изучены такие параметры мероприятий, как тематика чтений,

состав участников, время и место проведения (хронотоп), состав организаторов чтений и др.

Ученый попытался выработать единые критерии и показатели эффективности проведения чтений для народа.

В послереволюционные годы чтения вновь особо выделяются среди других устных форм библиотечного и школьного дела. Они используются в 20-х – начале 30-х гг. XX в. преимущественно в работе с неграмотными и малограмотными читателями («громкие чтения»). «Громкие чтения» играют роль уроков политграмоты (чтение вслух газет, произведений классиков марксизма-ленинизма, проведение политинформаций, занятий кружков и университетов марксизма-ленинизма).

В 1930 г. сельский учитель А.М. Топоров, окрыленный успехом своей книги «Крестьяне о писателях», выступил в печати с открытым письмом «Читайте же вслух!». [175]. В нем автор предлагает библиотекарям страны чаще проводить публичные чтения.

Однако в 30–40-х гг. мы видим определенное угасание культурной традиции, так как чтения не выдерживают конкуренции с другими мероприятиями той поры – литературными вечерами, обсуждениями книг, читательскими конференциями.

В 1957 г. в рамках Международного фестиваля молодежи и студентов в массовых библиотеках Москвы и Ленинграда активно проводятся литературные чтения по произведениям зарубежных писателей.

В 80–90-е гг. XX в. ученые-гуманитарии (педагоги, библиотековеды, социологи, филологи) начинают активно заниматься проблемами семейного чтения.

Чтение вслух, «громкое чтение» классических произведений отечественной и зарубежной литературы было доброй традицией в российской семье (как в столицах, так и в провинции).

С распространением грамотности читали вслух не только в дворянских семьях, но и в семьях других сословий – чиновников, купцов, мещан, ремесленников [189].

В.Г. Белинский неоднократно писал о том, что надо как можно раньше начинать знакомить детей с произведениями классиков, чтобы с самых первых лет жизни ребенка его развитие проходило под благотворным влиянием высокого классического слова: «Не заботьтесь о том, что дети мало тут поймут, но именно и старайтесь, чтобы они как можно меньше понимали, но больше чувствовали» [22].

Культурные традиции чтения вслух, вечером, в кругу семьи, в свете зеленой лампы, порой закладывались ни одним поколением читателей.

От прадедов и дедов, ценивших и понимавших «царственное слово», наследовалась глубокая и сильная любовь к классической литературе новыми поколениями читателей. Так, например, было в семьях у А. Пушкина, М. Лермонтова, И. Тургенева, Л. Толстого, А. Блока, А. Белого, М. Цветаевой, В. Набокова и многих других.

На наш взгляд, необходимо различать и четко разграничивать понятия «семейное чтение» и «семейные чтения».

Понятие «семейное чтение» употребляется в различных значениях.

Так, социолог И. Бестужев-Лада определяет семейное чтение как «обсуждение прочитанной книги всей семьей, когда о ней разгорается спор, когда сталкиваются мнения и вырабатывается отношение к прочитанному... что способствует духовному сплочению семьи» [29, с. 40].

В работе О.Л. Кабачек семейное чтение определяется как «громкое чтение, беседа о произведении, пересказ ребенком книги, привлечение литературных героев в воспитательных целях» [83, с. 50].

Н.И. Акилина понимает семейное чтение «как совместное чтение детей и родителей, что в наибольшей степени способствует духовной консолидации семьи» [5, с. 80].

По мнению исследователя, совместное чтение позволяет членам семьи обмениваться мнениями о прочитанном, высказать свою точку зрения, соотнести ее с мнением других членов семьи. Большое значение имеет чтение вслух, оно необходимо не только маленьким детям, еще не умеющим читать, но и взрослым.

Г.К. Олзоева определяет семейное чтение как «совместное чтение детей и родителей с последующим обсуждением прочитанного» [134, с. 81].

Н.Л. Голубева семейным чтением называет «совместную творческую читательскую деятельность взрослых, детей в условиях их субъект-субъектного общения, направленного на целостное развитие личности растущего человека» [62, с. 5].

В работах В. Невского семейное чтение определяется как «давняя традиция русской интеллигенции... это своеобразная форма общения, в которой участвуют как минимум трое: ребенок, родитель и автор книги...» [130, с. 23].

А.С. Павлова в своей работе «О доброй традиции замолвите слово» рассматривает семейное чтение как «вид совместной познавательно-коммуникативной деятельности всех членов семьи» и как «фактор формирования читательского развития личности в процессе взаимодействия семьи, школы, библиотеки».

Таким образом, в понятие «семейное чтение» ученые сегодня вкладывают различное содержание, зачастую приравнивая его к понятию «чтение вслух в кругу семьи».

В свою очередь, «семейные чтения» представляют собой устную форму библиотечной деятельности, когда взрослые читатели библиотек (будь то родители, дедушки и бабушки, опекуны, руководители детского чтения и др.) в ходе обсуждения проблемы в области семьи и семейного чтения постигают новое коллективное знание (достигают консенсуса).

Следует отметить, что к понятию «семейное чтение» близко примыкает понятие «библиотека семейного чтения».

Одна из первых библиотек семейного чтения появилась в Риге (еще до распада СССР), следующая — в Кунцевском районе Москвы. Сегодня библиотеки семейного чтения созданы практически в каждой области России.

В наши дни широкое распространение в библиотеках семейного чтения получили такие устные формы деятельности, как День родителей, День читающих семей, семейные посиделки, вечера семейного отдыха, семейные чтения и др.

В наши дни происходит дальнейшее развитие чтений как формы библиотечной деятельности.

По неполным данным, в 2008—2009 гг. в публичных библиотеках состоялось свыше 135 ежегодных литературных чтений.

Большинство мемориальных библиотек, носящих имена писателей, устраивают Пушкинские, Лермонтовские, Толстовские, Тургеневские, Кольцовские, Чеховские, Гайдаровские, Зощенковские, Рубцовские, Ломоносовские, Тютчевские и другие чтения.

Так, например, ЦРБ им. А.С. Пушкина Петроградской ЦБС Санкт-Петербурга (бывшая 2-я бесплатная народная читальня, основанная в 1887 г.) провела в июне 2009 г. литературные чтения для всех желающих «Открытый микрофон». Во дворе у здания библиотеки и молодые, и пожилые петербуржцы читали наизусть любимые пушкинские строки, а также стихи, посвященные поэту [электронный ресурс, 19].

Вот уже более 11 лет открыт литературный музей в Библиотеке им. Николая Рубцова Невской ЦБС Санкт-Петербурга, которая ежегодно организует Рубцовские литературные чтения.

В сезоне сентябрь 2005 — май 2006 гг. в Центральной библиотеке им. М.Ю. Лермонтова состоялись Литературные чтения в авторском исполнении — встречи с Валерием Поповым, Михаилом

Кураевым, Сергеем Носовым, Сергеем Андреевым, Марией Семеновой, Павлом Крусановым и другими писателями. Во втором сезоне проекта (ноябрь 2006 – апрель 2007 г.) участниками литературных чтений стали Андрей Кивинов, Сергей Арно, Николай Прокудин, Илья Фоянков, Андрей Балабуха, Владимир Шпаков. Третий сезон литературных чтений познакомил читающую публику с новыми произведениями Константина Мелихана, Владимира Соболя, Александра Житинского и пр.

Масштабный проект литературных чтений «Читаем вместе» реализует сегодня Центр чтения Российской национальной библиотеки совместно с Центром современной литературы и книги, Союзом писателей Санкт-Петербурга.

Осуществление литературных чтений в рамках проектно-программной деятельности позволяет публичным библиотекам интегрировать свои усилия по вертикали и получить более весомый социальный эффект.

По содержательному признаку были выделены: мемориальные чтения, посвященные памяти писателей, – 89 мероприятий (65%), краеведческие чтения – 17 мероприятий (13%), семейные чтения – 12 мероприятий (9%), литературно-патриотические чтения – 9 мероприятий (6%), библиотечные чтения – 6 мероприятий (5%), литературно-педагогические чтения – 2 мероприятия (2%).

Историко-краеведческая библиотека им. И.И. Василёва в Пскове работает по долгосрочной программе «Псковская земля в истории России». В рамках этой программы ежегодно проводятся Юношеские Кутузовские чтения. Для XIII чтений по теме «Псковичи – участники войны 1812 г.» были собраны интересные материалы по персоналиям военных деятелей.

Некоторые литературные чтения («Гдовские литературные чтения», «Моя Уфа – жемчужина Урала», «Александро-Невские литературные чтения») начинают приобретать межрегиональный характер.

Уникальный проект реализовала Алтайская краевая универсальная научная библиотека им. В. Шишкова – «Литературная карта Алтайского края». Ежегодно участники проекта организуют Шукшинские, Соболевские, Мерзлякинские, Грибановские, Пановские, Шишковские, Егоровские, Рождественские и другие чтения, посвященные писателям-землякам (14 персоналий).

Литературные чтения с участием зарубежных писателей проводятся в публичных библиотеках совместно с культурными

центрами – Американским центром, Британским Советом, Немецким культурным центром им. Гете, Французским институтом и т.д.

Литературные чтения привлекают внимание и юных, и взрослых, собирая разновозрастные аудитории, тем самым изучаемая форма может рассматриваться в качестве связующего звена между различными поколениями читателей.

Используя данную форму библиотечного обслуживания, библиотекари выходят к своим потенциальным читателям из стен библиотек на улицу, площади, в парки и скверы, общественный транспорт.

При этом прослеживается влияние развлекательной культуры, когда в чтениях отводится значительное место для проведения игр, конкурсов, викторин.

Особый интерес для специалистов представляют библиотечные чтения, рассчитанные на целевую группу – библиотекарей (Павленковские, Белгородские, Липецкие чтения).

По всей вероятности, и в дальнейшем будет происходить усложнение структуры чтений (по принципу культурного разнообразия).

Осваивая новые информационные технологии, библиотекари проводят сегодня не только реальные, но и виртуальные литературные чтения.

Открывшиеся возможности новых информационных технологий приведут к изменениям временных и пространственных координат функционирования данной культурной формы.

Учитывая устойчивый, долговременный, гибкий характер литературных чтений как формы библиотечного обслуживания, имеющей потенциальный запас прочности в историческом пространстве и времени, можно предположить, что данная форма еще будет востребована новыми поколениями читателей.

Глава 3. Литературный вечер в публичной библиотеке: от прошлого в будущее

Литературные вечера относятся к традиционным формам библиотечного обслуживания читателей.

По данным К.И. Абрамова, в публичных библиотеках России уже в 30–40-е гг. XIX в. проводились различные виды литературных вечеров (так называемые живые картины, с пением, музыкой, декламацией стихов и т.д.) [1, с. 78].

В 80-е гг. XIX в. с открытием библиотек для народа литературные вечера (в многообразии культурных форм – литературно-музыкальные, литературно-разговорные, литературные утра, и др.) становятся действенным средством организации досугового чтения народа [электронный ресурс, 34].

Литературные вечера получают широкое распространение в 20-е гг. XX в., когда стремительно шла государственная формовка массового читателя.

Многочисленность форм литературных вечеров этой поры поражает своей пестротой и разнообразием, масштабностью и читательской активностью.

При этом зачастую использовались уличные театрализованные формы работы («шестивия» книг, «похороны» книг, литературные карнавалы).

Библиотечная работа в те годы проводилась под девизом «Меньше шаблона – больше живых и новых форм!» [107].

Именно с этого периода библиотековеды Б.В. Банк, В.Е. Васильченко, П.И. Гуров, Л.Р. Коган, В.А. Невский, А.А. Покровский, И.М. Цареградский и др. стали активно заниматься разработкой проблем, связанных с использованием конкретных видов литературных вечеров, проводимых в стенах библиотек [17, 50, 67, 94, 130, 144, 185].

Однако в конце 20-х – начале 30-х гг. наблюдается стремление советской власти тотально подчинить коммунистической идеологии не только содержание, но и формы работы с читателями.

Библиотековедов, которые активно занимаются проблемами совершенствования методик библиотечной работы, – Б.В. Банка, А.Я. Виленкина, П.И. Гурова, Л.Р. Когана, И.М. Цареградского и др. – критикуют за излишний «методизм» [47, с. 66],

До сих пор представляет для нас глубокий интерес научное исследование Е.А. Горш, предметом изучения которого стали содержание и формы массовой работы библиотек в 1921–1925 гг.

Среди устных форм библиотечной работы автор выделяет вечера рецензии, вечера книги, вечера обсуждения новых произведений советской литературы, вечера рассказывания, «живые» газеты, устные журналы и пр. [63].

В наши дни, руководствуясь «Модельным стандартом деятельности публичной библиотеки», публичные библиотеки (ЦБС) проводят до двух тысяч мероприятий в год. Литературные вечера занимают достойное место среди устных форм библиотечного обслуживания, так как подготовка их по трудозатратам менее сложна, чем организация активных форм мероприятий [128, с. 243].

Контент-анализ отчетной документации публичных библиотек показывает, что тематический спектр литературных вечеров достаточно широк. Значительную долю составляют литературные вечера, посвященные различным юбилейным датам. Так, например, большинство библиотек откликнулось организацией литературных вечеров к 200-летию со дня рождения Н.В. Гоголя (2009 г.), к 150-летию со дня рождения А.П. Чехова (2010 г.).

Востребованными сегодня остаются литературные вечера краеведческой, фольклорной, пушкинской и другой тематики.

Для библиотек, носящих мемориальное имя, значимыми являются «свои» даты (будь то 300-летие со дня рождения М.В. Ломоносова или дни памяти Л.Н. Толстого, Федора Абрамова, Николая Рубцова, Аркадия Гайдара и пр.).

Наряду с традиционными религиозными и фольклорными праздниками, такими как Новый Год, Рождество, Масленица, Медовый и Яблочный Спасы, Сабантуй, Навруз, библиотеки откликаются проведением литературных вечеров, посвященных Дню святого Валентина, святого Патрика и святой Люции.

В связи со всеми этими юбилейными датами и множеством других библиотеки, как правило, проводят литературные вечера. Сценарии литературных вечеров библиотечные специалисты разрабатывают и пишут самостоятельно.

В то же время наблюдается устойчивая тенденция проводить не «литературный вечер», а именно «День». Другими словами, «День» и «литературный вечер» становятся самостоятельными формами библиотечных мероприятий.

В публичных библиотеках страны проводят различные виды литературных вечеров: тематические вечера, вечера-портреты,

вечера-встречи, вечера-диалоги, вечера-презентации, литературно-музыкальные композиции и т.д.

Публичная библиотека как социокультурный институт старается организовывать библиотечные мероприятия для всех групп пользователей.

Так, наряду с традиционными группами читателей и пользователей — детьми, юношеством, пенсионерами, семьями, людьми с ограниченными физическими и сенсорными возможностями — происходит активное вовлечение в пространство литературных вечеров новых целевых групп — мигрантов, лиц девиантного и делинквентного поведения.

Литературные вечера собирают небольшие аудитории пользователей (25–60 человек).

Библиотечные специалисты стремятся преодолеть разрыв между поколениями «отцов» и «детей», предлагая богатый ассортимент модернизированных библиотечных форм организации содержательного и творческого досуга для разнородных аудиторий, что требует от библиотечных специалистов определенных ресурсных затрат.

Глубокий интерес в этом отношении представляет программно-проектная деятельность публичных библиотек, связанная с данной проблематикой.

Самого пристального внимания заслуживают следующие проекты: «Литературные вечера на Вятке» (МУ ЦГБ г. Вятки), «Литературные вечера-встречи в Вологодской областной научной библиотеке им. И. Бабушкина», «Литературные вечера в кафе «Ex libris» (Библиотека-читальня им. И.С. Тургенева г. Москва), «Литературные встречи в Белом зале» (Библиотека им. М.Ю. Лермонтова, Санкт-Петербург), «Год Федора Абрамова в библиотеках Архангельской области», «Молодежные литературные вечера в Российской государственной библиотеке для молодежи» и др. [электронный ресурс, 1].

Интересен опыт зарубежных библиотек: чтение в режиме нон-стоп «Божественной комедии» Данте во Флоренции, «Дон-Кихота» Сервантеса в Венесуэле, проект «Одна книга — один город» в Чикаго и др.

Внедрение информационных технологий открывает новые возможности и горизонты для данной библиотечной формы.

Сегодня в библиотеках страны пока преобладают литературные вечера в реальном формате, но интенсивно распространяющийся виртуальный мир ставит перед организаторами культурных программ новые задачи.

Нередко организаторами литературных вечеров осуществляется видеозапись библиотечного мероприятия, по которой потом создается видеофильм.

Так, библиотечные специалисты сегодня становятся разработчиками собственной мультимедийной продукции, постоянно увеличивая имеющиеся ресурсы мультимедийных средств, осуществляя непрерывный обмен мультимедийной информацией в условиях корпоративных библиотечных сетей.

Как модернизировать привычную форму, не разрушая канон, так, чтобы литературный вечер был актуален и востребован новыми поколениями читателей? Поиск инновационных форм продолжается...

Глава 4. Лектории в публичной библиотеке: традиции и инновации

В настоящее время в науке нет общепринятого определения понятия «лекторий». Оно употребляется в нескольких значениях. Согласно толковым словарям, «лекториями» называют:

– «учреждения, которые занимаются устройством публичных лекций»;

– «пространство (помещения), предназначенное для проведения лекций»;

– «систему (совокупность) лекций (или текстов лекций)».

Кроме того, различают понятия «лекторий» (мужского рода) и «лектория» (женского рода) — читальный зал в библиотеке с новинками специальной литературы.

Этимологический анализ ключевого значения понятия («лекция») показывает, что в русский язык слово «лекция» пришло через польский язык из латыни (от лат. *lectio* — «чтение»; более раннее — *lego* — «читаю», «собираю»).

Первоначально лекция представляла собой непосредственное чтение, воспроизведение текста, а позже — чтение с комментариями читающего вслух лектора.

В «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля под лекцией понимают «чтение, преподавание, урок, учебный час профессора» [69].

В средние века лекции были основной формой распространения научного знания, фундаментом университетского преподавания в Европе (в Париже, Болонье, Оксфорде, Кельне, Праге и других городах).

Весомый культурный вклад в разработку теоретико-методологических основ лекции как формы обучения внесли Я.А. Коменский, М.В. Ломоносов, К.Д. Ушинский, Н.И. Пирогов, В.О. Ключевский и др. [13].

Лекция как эпизодическая форма библиотечной деятельности замечена уже в конце XVIII в. (1773—1774 гг.), в век Просвещения.

Однако только после реформ 60-х гг. (с 1869 г.) начинается регулярное чтение публичных лекций профессорами Московского и Санкт-Петербургского университетов для всех желающих.

С открытием библиотек для народа лекции получают дальнейшее распространение наряду с литературными вечерами, чтениями, утренниками (литературными утрами), литературно-музыкальными композициями и пр.

I Всероссийский съезд по библиотечному делу (1911 г.) подчеркивал в резолюции, что «в высшей степени важным является организация при библиотеках музеев, книжных складов, публичных лекций, вечеров и т.п., что будет расширять и укреплять культурно-просветительное влияние библиотеки».

Специалисты по внешкольному образованию народа В.П. Вахтеров, Н.А. Рубакин, Е.Н. Медынский, В.А. Зеленко, А.А. Покровский и др. ратовали за обучение библиотекаря-энциклопедиста, а не узких специалистов.

Как писал Е.Н. Медынский в работе «Методы просветительной работы. Опыт методики гг. библиотекарей, лекторов, лиц, ведущих занятия со взрослыми, заведующих народными домами и пр.» (Пг., 1915 г.): «Пора уже отрешиться от глубоко неправильного взгляда, что можно быть только библиотекарем, только лектором, только преподавателем».

До 1917 г. плодотворную лекционную работу по всей стране вели члены многочисленных общественных организаций: Общества грамотности, Общества распространения знаний, Общества содействия народному образованию, Общества поощрения образования, Общества самообразования, Общества распространения технических знаний, общества «Маяк» и др.

После 1917 г. в условиях тоталитарного государства лекционная деятельность в библиотеках была тесно связана в первую очередь с идеологической пропагандой и агитацией марксизма-ленинизма.

В массовых библиотеках страны были открыты университеты культуры, которые занимались лекционной пропагандой не только в стенах библиотек, но и в красных уголках жилконтор, общежитиях, на предприятиях. Лекции читались по широкой тематике, по всем отраслям знания.

Однако в центре особого внимания лекционной деятельности массовых библиотек была организация лекций по художественной литературе.

Художественная литература в России служила человеку глубоким источником познания жизни и самопознания, оказывая сильное воздействие на духовное развитие личности, удовлетворяя ее различные потребности: в познании, в общении, в красоте, в отдыхе, в развлечении и др.

В отечественном литературоведении XIX – XX вв. всегда выделяли подлинно высокую художественную и массовую (или «тривиальную») литературу.

Однако до сих пор четкость разграничения этих понятий отсутствует, определение литературного «верха» или «низа» порождает нескончаемые споры [182].

История литературы разных эпох и народов показывает нам парадоксальные примеры, когда литература «низа» поднималась читающей публикой на самые высокие позиции, а высокая изящная словесность воспринималась как «низменная» литература.

По мнению современных исследователей, «массовая литература – это совокупность популярных произведений, которые рассчитаны на читателя, не приобщенного (или мало приобщенного) к художественной культуре, невзыскательного, не обладающего развитым вкусом, не желающего либо не способного самостоятельно мыслить и по достоинству оценивать произведения, ищущего в печатной продукции главным образом развлечения [182, с. 126].

Иногда наряду с высокой и массовой литературой выделяют беллетристику. «Беллетристика – это литература «второго ряда», необразцовая, неклассическая, но в то же время имеющая неоспоримые достоинства и принципиально отличающаяся от литературного «низа» («чтива»), то есть срединное пространство литературы

Золотой фонд высокой литературы составляет классика – та часть художественной словесности, которая интересна и авторитетна для нескольких поколений читателей. «Писатели-классики – по известному выражению Д.С. Мережковского, – вечные спутники человечества».

Классическим периодом в национальной литературе считают время появления наибольшего числа шедевров, создающих традиции этой литературы. Термин «классика» и правильность его определения давно волнует ученых, но четкого определения этому понятию до сих пор нет. В современных справочных изданиях и литературоведческих материалах даются различные его трактовки.

Сами понятия «классика» и «классический автор» восходят к античности.

Согласно «Советскому энциклопедическому словарю», «Классика (от лат. classicus – «образцовый первоклассный») – это образцовые, выдающиеся, общепризнанные произведения литературы и искусства, имеющие непреходящую ценность для национальной и мировой культуры [электронный ресурс, 46, с. 586.]

Если обратиться к «Литературной энциклопедии терминов и понятий», изданной в 2003 г., мы найдем следующее определение понятия «классики»: «граждане высшего из пяти имущественных классов». Цицерон использовал это понятие «классик» в переносном смысле, применительно не к гражданам высшего имущественного класса (патрициям), а к писателям.

Применительно к литературе впервые употребил это понятие Гелий (II в.н.э.). В его трактовке это «писатели, признаваемые лучшими, образцовыми» [электронный ресурс, 46].

В «Литературной энциклопедии» отмечается, что термин «классика» долгое время употреблялся в трех значениях:

1. В «золотой век» римской литературы и в особенности в эпоху Ренессанса под ним разумели образцовых писателей древности, на произведениях которых следует воспитывать свой вкус.

2. В эпоху классицизма термином «классики» обозначались все те писатели, которые творили в духе эстетических кодексов этого литературного направления, и особенно писатели древности, считавшиеся вдохновителями, родоначальниками классицизма. Это словоупотребление держится в обиходе науки о литературе в течение XVII – XVIII вв.

3. Со второй трети XIX в. «классиком» начинает вновь называться писатель как древности, так и широкого исторического прошлого [электронный ресурс 46, с. 271 – 272].

В любом случае за словом «классический», стоит представление о порядке, мере, каноне, эталоне, гармонии.

В марксистском литературоведении под «классикой» понимался весь «художественный опыт, художественные достижения предшествующих эпох», затем понятие «классика» было сужено.

Ученые-литературоведы также пытаются осмыслить понятие «классика».

Так, например А. Архангельский дает такое определение: «Классика есть человеческое установление, результат культурного договора образованной части нации» [12, с. 225]. Вопрос об определении понятий «золотой век» и «серебряный век» русской литературы до сих пор остается дискуссионным.

В современной отечественной науке о литературе даны основные признаки классической литературы, прежде всего это преемственность.

В современном обществе расширено представление о том, кого считать писателем-классиком.

Сегодня определено, что это не только писатели «первой величины» (например, Л.Н. Толстой, А.С. Пушкин и др.), но и те, которые долгое время занимали более низкую ступень в литературном процессе.

В истории литературы были случаи, когда художественная элита или государство сами возводили автора в высокий ранг классики.

Яркий пример тому – присуждение некоторым писателям в советский период Ленинских и Сталинских премий.

Конечно, пророчество о будущей славе писателя порой оправдывается (например, суждение В.Г. Белинского о Н.В. Гоголе). Но говорить, что тому или иному современному писателю уготована судьба классика, следует предположительно. Автор, признанный современниками, – это лишь «кандидат» в классики.

Вспомним, что современники предельно высоко оценивали произведения не только А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого, А.П. Чехова, но и Н.В. Кукольника и С.Я. Надсона.

Кумиры своего времени – это еще не классики. Вопрос о том, кто достоин репутации классика, призваны решать не современные читатели, а их потомки.

Согласимся с современным литературоведением, которое считает, что «репутация писателя-классика (если он действительно классик) не столько создается чьими-то решениями (и соответствующей литературной политикой), сколько возникает стихийно, формируется интересами и мнением читательской публики на протяжении длительного времени, ее свободным художественным самоопределением» [182. с. 137].

Историческая жизнь классических произведений есть, в сущности, непрерывный процесс их социально-идеологического, нравственного переосмысления.

В каждый отдельный исторический момент то или иное литературное произведение воспринимается читающей публикой по-разному, нередко вызывая разногласия и споры.

Когда-то судьбоносными книгами для молодежи разных эпох были: «Что делать?» Н.Г. Чернышевского, «Бесы» Ф.М. Достоевского, «Война и мир» Л.Н. Толстого, «Мать» М. Горького, «Как закалялась сталь» Н. Островского и многие другие. Есть ли сегодня подобные книги? Вряд ли.

Спутником радикальных общественных переворотов, резких культурных сломов нередко становится пренебрежение художественным опытом прошлого. Это явление имело место в России

после Октябрьской революции 1917 г. В процессе идеологического управления читательским сознанием ценности, воплощенные в произведениях русской литературной классики, воспринимались настороженно, как нечто чуждое.

Многие гуманистические ценности, такие как человечность, любовь к ближнему, семейные узы, сострадание, милосердие, прощение и др., были названы буржуазными, социально чуждыми.

Была объявлена идеологическая война нравственным исканиям литературных героев, томлению духа, тоске по неопределенному идеалу, душевности, сердечности.

Современный исследователь периода «формовки советского читателя» в 20-е гг. Е.А. Добренко убедительно показал те идеологические механизмы, с помощью которых воспитывалось отчужденное отношение к классическому наследию прошлого.

Долгое время классической русской литературой называли лишь литературу XIX в.

В советский период ее активно изучали, издавали, включали в обязательную школьную программу.

Безоговорочное предпочтение литературы XIX в. литературе XX в. вполне объяснимо: идеологические запреты при изучении последней были гораздо строже и жестче, чем при изучении первой.

Социологи чтения сходятся в том, что сегодня русская классика ощущается читателем как чуждая для него, ориентированная в основном на прошлое.

В наши дни, после подписания Болонской конвенции, стройная, негласно существующая иерархия русских писателей (классиков первостепенных, второстепенных, третьестепенных и пр.), предписанная в школьном изучении программой, окончательно рухнула.

Специалистами-филологами вновь составляется список 100 лучших классических произведений русской литературы, необходимых для школьного обучения [174].

Публичные библиотеки активно участвуют в литературном процессе, обеспечивая «обратную связь» — «писатель — читатель».

Еще в начале XX в. отечественные библиотековеды Н.А. Рубакин, Л.Б. Хавкина, А.В. Мезьер и др. отмечали своеобразные «приливы», сопровождающиеся ростом читательской аудитории, и «отливы», когда наблюдалось резкое сокращение числа читателей в публичных библиотеках [120, 153, 181]. Однако причинно-следственные связи данных явлений ими не были выявлены.

На рубеже XX – XXI вв. на базе публичных библиотек были открыты Центры чтения, взявшие на себя функции продвижения книги, чтения, библиотеки к населению.

Центры чтения при библиотеках сегодня проводят опросы читающей публики относительно литературных произведений, а также организуют лекции, встречи с писателями, презентации книг и другие культурно- массовые мероприятия.

В советский период (конец 60-х – 70-е гг. XX в.) происходит постепенный переход от чтения отдельных лекций к циклам лекций, а затем к созданию более жестких организационных конструкций – лекториев.

Оживлению лекционной работы в библиотеках способствовало открытие общества «Знание» (1947 г.), которое сыграло важную роль в образовательном процессе трудящихся.

В СССР в 70-е гг. ежегодно 508 тысяч лекторов общества «Знание» приобщали к культурному наследию около 7 млн человек.

При проведении лекций в библиотеках лекторам рекомендовали раскрывать не только какую-то актуальную тему или проблему, но и предлагать слушателям лектория соответствующую тематике лекции литературу.

Контент-анализ отчетной документации публичных библиотек различных регионов Российской Федерации за 2009–2011 гг. позволил выделить для дальнейшего исследования основной массив данных – 500 лекториев.

Изучение функционирования лекториев в библиотеках велось по следующим параметрам:

- тематика проводимых лекций;
- целевая аудитория слушателей;
- состав лекторов;
- пространственно-временные характеристики;
- формат лекций (реальный или виртуальный);
- эффективность проведения, качество данной услуги;
- способы организации «обратной связи».

Анализ данных показал, что большинство лекториев в библиотеках являются профильными, с определенной тематикой проводимых лекций.

Тематический профиль лекториев достаточно широк. Так, доля литературно-искусствоведческих лекториев, по нашим данным, составила 33 %, исторических – 18 %, краеведческих – 17 %, военно-патриотических – 11 %, по здоровому образу жизни – 9 %, родительских – 6 %, прочие – 6 %.

Организация лекториев во многом зависит от состава целевой группы слушателей, их потребностей и интересов (будь то родители, любители сада-огорода, любители оперной музыки, любители видео, православные пользователи и т.п.).

Публичные библиотеки стараются открывать лектории для разных групп читателей.

В среднем в ЦБС действуют 2–3 лектория различной тематики.

Сегодня наряду с лекторами общества «Знание», преподавателями высшей школы, специалистами разных областей в стенах библиотек с лекциями выступают священники, рок-музыканты, спортсмены, телеведущие и др.

Частота проведения лекций варьируется в зависимости от ресурсных возможностей библиотеки. Большинство лекториев ориентируется на проведение 1–2 лекций в месяц. При этом 36 % лекций читают в специально оборудованных лекционных залах.

Внедрение информационных технологий открывает новые возможности и горизонты для данной библиотечной формы.

В настоящее время преобладают лектории в реальном формате. Однако наблюдается положительная динамика в проведении виртуальных лекций с использованием мультимедиа.

Библиотека 2.0, где активно применяются новые информационно-коммуникативные технологии, требует широкого внедрения мультимедийных лекций. Мультимедиа дают лектору уникальный шанс расширить способы активизации рационального и чувственного познания мира с помощью развернутой метафоры.

Новые информационные технологии помогают живому слову преодолеть пространство и время, выйти за пределы библиотек.

Полностью разделяю тезис ученого-семиотика У. Эко о том, что не надо противопоставлять визуальную и вербальную коммуникации, а, наоборот, следует совершенствовать и ту, и другую [196].

Глубокий интерес представляет программно-проектная деятельность публичных библиотек, связанная с данной проблематикой (например, проект «Трибуна» НФ «Пушкинская библиотека» для публичных библиотек, проект «Умная Москва», разработанный Библиотекой-читальней им. И.С. Тургенева).

Глава 5. Диалоговые формы библиотечной деятельности

Диалоговые формы занимают особое место среди других форм организации досуга.

В известной триаде («монолог – диалог – полилог») диалог представляет собой наиболее эффективное средство человеческого общения. Даже внутренняя речь человека (наедине с собой) во многом диалогична.

В библиотековедческой литературе обсуждения книг, читательские конференции, диспуты, вечера вопросов и ответов, литературные викторины относят к активным, действенным диалоговым формам библиотечной деятельности.

Основная их функция, по мнению многих авторов, – максимальное стимулирование читательской активности.

Обсуждение книг – это живой обмен мнениями, в ходе которого читатели выражают свое отношение к литературному произведению. В процессе обсуждения происходит непосредственное (сразу же после чтения) формирование читательских мнений по литературной проблеме, представленных краткими неразвернутыми суждениями, содержащими анализ и оценку конкретного произведения.

Обсуждение книг имеет давнюю традицию, восходящую к античности, которая оказала глубокое влияние на русскую культуру. Так, античный историк Геродот неоднократно публично читал свои литературные сочинения перед собравшимися гражданами полиса (в Афинах, в Коринфе, в Олимпии на Олимпийских играх), ожидая похвалы или порицания со стороны своих слушателей. Для того чтобы привлечь внимание молодых, Геродот привнес в свой научный труд множество исторических анекдотов, легенд, мифологических сюжетов, которые делали его рассказ более занимательным для подвижного ума греков [119].

Обсуждение литературных произведений традиционно велось на двух уровнях. С одной стороны, существовали литературные салоны и кружки (как в столицах, так и в провинции), где встречался узкий круг писателей, художников, музыкантов, артистов, общественных деятелей («равные среди равных»); с другой стороны, устраивались открытые литературные мероприятия с привлечением

и участием публики: обсуждения книг, читательские конференции, литературные диспуты, литературные суды, вечера читательской критики, вечера рецензий и т.д. [104, 105].

Теория руководства чтением, утвердившаяся в массовых библиотеках, способствовала активизации чтения на всех трех уровнях: выбор литературы, восприятие (понимание) книги, обсуждение прочитанного.

В «Памятке читателя-рабочего о библиотеке, книге, чтении» авторы-составители советовали: «По поводу прочитанного веди беседу в семье или среди товарищей. Обмен взглядами и мнениями поможет лучше понять и усвоить прочитанное» [107].

В 1926–1927 гг. в библиотеках проходили многочисленные вечера читательской (рабочей) критики. В центре вечеров рабочей критики находились произведения как старейшин литературы — М. Горького, А. Серафимовича, так и молодых начинающих писателей — Ф. Гладкова, А. Неверова, А. Фадеева, Л. Сейфуллиной, Ю. Либединского и др. Вечера отличались массовостью и высокой читательской активностью: аудитории насчитывали от 150 до 500 человек (преимущественно молодежь, в основном мужчины).

Резкой критике подверглись произведения «Пятая любовь» М. Карпова, «Собачий переулочек» Л. Гумилевского, «Прыжок» П. Бражнина, «Луна с правой стороны» С. Малашкина и др.

«В одном только вопросе сошлись все выступавшие читатели, это в вопросе о крепких словах и излишнем натурализме (похабщине), а также о тяжелом, непонятном языке многих произведений новой литературы» [107, с. 76].

Наряду с вечерами рабочей критики библиотеки проводили также вечера рецензий, литературные суды, литературные диспуты.

Вечера рецензий на конкретную книгу представляли собой форму открытого разбирательства, с равными возможностями для критики и защиты. Читательская аудитория путем голосования могла «разрешить» или «запретить» конкретную книгу для дальнейшего общественного использования и чтения.

Литературные суды были привнесены в библиотечное дело 1920-х гг. из школьной практики и клубоведения. Представление о суде над литературными героями дает нам сцена из романа В. Каверина «Два капитана». Вначале использовались театрализация литературного произведения (или его фрагмента), художественное выразительное чтение. Обязательными участниками литературного суда были прокурор, адвокат, свидетели защиты и обвинения, судьи,

подсудимый. Прокурор должен был ознакомить публику и суд с обвинительным актом, выдвинутым против подсудимого, затем свидетели обвинения и свидетели защиты представляли материал, характеризующий положительное или отрицательное влияние произведения на читателей. Слово предоставлялось адвокату, обвиняемому, членам суда. В заключение литературного суда оглашался приговор.

В 1920-е гг. читатели «судили» следующих литературных героев: Онегина, Печорина, Обломова и других «лишних людей», Ваську Красного (из рассказа М. Горького), персонажей Библии, Л.Н. Толстого и т.п.

Отношение библиотековедов к литературным судам было двойственным. Некоторые считали, что литературный суд не должен быть точной копией обычного суда. Основной акцент делался на то, что этот суд – литературный. Поэтому в его основу должен быть положен анализ художественного произведения, и всякое отступление от текста расценивается как искажение, нарушающее общую установку мероприятия.

Другие настаивали на том, что литературный суд должен четко соблюдать все юридические процедуры, максимально приближаясь к судебному процессу. Тем самым на первый план выдвигалось само судебное разбирательство, а не анализ литературного произведения.

С усилением тоталитарного режима все судебные процессы направлялись на вынесение исключительно обвинительных приговоров. Это отразилось и в судебной процедуре литературных судов, когда роли адвокатов и свидетелей защиты были фактически упразднены. Вскоре прекратилась и сама практика использования данной формы работы в библиотеках: суды над реальными историческими личностями вытеснили вторую условную реальность – инсценированные литсуды.

В тот же период в библиотеках получают широкое распространение литературные диспуты. «Цель литературного диспута, – отмечал библиотековед П.И. Гуров, – заключается в том, чтобы указать правильность определенной точки зрения и убедить в этом собравшихся» [67]. При этом, по мысли библиотековеда, «литературный диспут обобщает весь комплекс идей, данных образно в произведении, и идей, отвлеченных в значительной степени от своих носителей (героев произведения)».

Темы литературных диспутов были сформулированы в виде вопросов к читателю: «Дан ли тип новой женщины в произведениях Ф. Гладкова „Цемент“, Л. Сейфуллиной „Виринея“, Ф. Березовского

„Мать“, С. Малашкина „Луна с правой стороны“?»; «Вы отдаете предпочтение старой или новой литературе? Почему?»; «Вы против „черных“ слов и „скользких“ мест в литературе или за?»

С середины 1930-х гг. в стране прочно утверждается атмосфера бездискуссионности, насаждаемая административно-командным подходом к проблемам культурного строительства. Литературные диспуты в эти годы носят единичный, случайный характер. Так, например, В. Каверин, председатель дискуссионного клуба при Союзе писателей, вспоминает о единственном, первом и последнем диспуте, состоявшемся 11 февраля 1934 г. в читательской аудитории, организованной писателем [архивные материалы, 6, с. 96–97].

С начала 1930-х гг. в библиотечную практику стали внедряться читательские конференции. Надо отметить, что до этого под читательскими конференциями обычно понимали ежегодные собрания читателей по проблемам библиотечной деятельности (переплет, работа с должниками, комплектование и оценка новой литературы и т.д.).

В 1931 г. тот же П.И. Гуров замечал, что читательские конференции являются новым методом библиотечной работы с художественной литературой. Первые читательские конференции представляли собой некий симбиоз вечеров читательской критики и литературных судов.

В 1940-е гг. конференции получают широкое распространение в массовых библиотеках страны. Так, например, в отчете о работе массовых библиотек Ленинграда за 1949 г. отмечалось, что год этот был характерен тем, что даже маленькие библиотеки, которые раньше почти не включали в план своих массовых мероприятий по обсуждению книг, то есть читательские конференции, стали их практиковать [6, с. 23].

В течение 1949 г. библиотеками города было организовано 953 читательских конференций и обсуждения книг [6, с. 24].

В сообразительности на 1950 г. библиотекари обещали провести 25 000 массовых мероприятий, в том числе: читательских конференций не менее 1000, обсуждений книг — не менее 200 [6, с. 96–97].

Наибольшей популярностью среди читателей пользовались конференции, объектом которых являлась узколокальная литературная проблема (творчество писателя в целом или отдельные его произведения). Читательские конференции проводились в основном в неоднородных, смешанных аудиториях.

В условиях тоталитарного государства и моноидеологии читательские конференции подвергались давлению цензуры (как

внешней, так и внутренней). Библиотекарям предписывалось обсуждать только официально признанные произведения (писателей – лауреатов Сталинской премии и т.п.); все читательские выступления предварительно согласовывались, корректировались и редактировались.

В результате читательские конференции уже в 1950-е гг. стали занимать незначительное место в системе форм библиотечной деятельности.

Новый импульс для развития диалоговые формы получили в конце 50-х – начале 1960-х гг. – это было время открытия читателями романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита», публикации произведений А. Твардовского, «лейтенантской прозы» А. Ананьева, Г. Бакланова, Ю. Бондарева, В. Быкова, повестей Ч. Айтматова, В. Аксенова, первых рассказов и повести А. Солженицына.

В советскую литературу вступает новое поколение поэтов.

В 1960 г. государственные массовые библиотеки приняли участие в сборе ответов на анкету «Литературной газеты», в которой были такие вопросы: «Ваши любимые произведения? Ваши любимые литературные герои? Какие произведения современных советских писателей 1959–1960 гг. вам понравились?»

Анализ ответов 500 анкет показал, что основное место в чтении людей занимала современная отечественная литература. Читатели были достаточно единодушны в своих оценках: чаще всего упоминали Д. Гранина – 28 раз, В. Аксенова – 26 раз, Ю. Германа – 24 раза, К. Симонова – 10 раз.

Тематика обсуждений книг и читательских конференций той поры была тесно связана с современной советской литературой (книгами последних лет издания). С 28 июня по 29 октября 1964 г. библиотеки страны участвовали во Всесоюзной читательской конференции «Молодой герой советской литературы».

В молодежных читательских аудиториях обсуждались произведения В. Аксенова, Ю. Германа, Д. Гранина, Н. Дубова, В. Козлова, Г. Медынского, А. Рекемчука и др.

Широко практиковалось обсуждение кинофильмов по литературным произведениям «Коллеги», «Девчата», «Дорогой мой человек», «Молодо-зелено», «Тишина», «Тропы Алтая», «Чудотворная» и др.

В массовых библиотеках вновь получают распространение литературные диспуты.

Один из участников диспута о проблемах свободного времени «Куда уходит время?» (5 апреля 1961 г.) говорил, что стоял перед

нелегким выбором, на какую дискуссию пойти: «... Сегодня три дискуссии в моем городе... Мы переживаем дискуссионный период».

Кстати, среди участников одной из дискуссий о свободном времени были Иосиф Бродский и Николай Рубцов.

«Наиболее широкий отклик у молодежи — отмечалось в «Справке о работе библиотек Ленинграда» (1962 г.), — встретила организация диспутов. Эта форма массовой работы заставляет каждого участника думать, высказывать свои мысли, утверждать свое понимание, прислушиваться к высказываниям товарища, поддерживать их или спорить с ними».

Тематика диспутов в эти годы: «В чем счастье твоего современника?»; «Поговорим о совести»; «Каков он — герой нашего времени?»; «Правда и неправда в книгах и в жизни»; «Что вы думаете о семейном счастье?» и др.

Тем самым основным содержанием литературных диспутов становилась морально-этическая проблематика, а литературное произведение служило лишь отправной точкой для последующего взаимодействия читательских мнений.

На волне перестройки (с середины 1980-х гг.) в публичных библиотеках страны активно создаются различные читательские объединения (как официально — «сверху», так и неформально — «снизу»).

На встречах читатели обсуждают текущие политические события, публицистические статьи С. Андреева, Ю. Афанасьева, А. Гельмана, И. Клямкина, В. Коротича, Р. Медведева, А. Нуйкина, А. Стреляного, Д. Травина, Ю. Черниченко, Н. Шмелева, Е. Яковлева и др.

В центре внимания читателей разных поколений («отцов» и «детей») оказался роман А. Рыбакова «Дети Арбата». В молодежных аудиториях прошли дебаты по книге В. Кунина «Интердевочка». Стимулировал проведение дискуссий в библиотеках показ одноименных фильмов по литературным произведениям.

На рубеже XX — XXI вв. происходит отторжение новым поколением «детей» многих культурных ценностей, норм, традиций поколения «родителей».

Социологи чтения в XX в. утверждали, что у нечитающих родителей растут нечитающие дети.

Современная картина чтения наглядно показывает, что добрые традиции книжности и чтения в России переходного времени разрушаются настолько, что даже у читающих родителей вырастают нечитающие дети.

Трудность развития диалоговых форм в современной библиотеке связывается не только с низкой читательской активностью населения, существенным свертыванием процесса постижения в современной культуре, но еще и с деформацией такого явления, как «модная» и «спорная» книга.

Досуговое чтение нашего современника, представленное в основном массовой развлекательной литературой – жанрами детектива, любовного романа, фантастики, триллера и т.п., – не требует последующего обсуждения.

Тем не менее в 2002–2005 гг. в читательских аудиториях страны прошли обсуждения произведений Б. Акунина, М. Булгакова, Д. Гранина, Э. Лимонова, В. Пелевина, Т. Толстой, Р. Баха, С. Кинга, П. Коэльо, М. Павича и др.

Отмечая историко-культурную значимость и ценность посткоммуникативной фазы чтения, предлагаем начинающему библиотекарю овладеть в первую очередь методикой обсуждения книг как наиболее действенной и результативной устной формой.

Процесс обсуждения книги проходит в три этапа.

В подготовительный период библиотекарь выбирает художественное произведение и тему для обсуждения. Необходимо обращаться к литературным произведениям, где нравственная и эстетическая ценности образуют гармонию и целостное единство. В то же время следует учитывать читательские интересы и отзывы литературной критики.

Мы не исключаем ситуации, когда в центре обсуждения окажется литературное произведение массовой культуры: «модное», но малохудожественное по своей сути. В этом случае в процессе литературной дискуссии следует показать читателям на конкретном литературном материале, благодаря какому внешне эффективному сюжетному повороту, особому конъюнктурному приему, «жизненному» изложению книга становится бестселлером.

Далее руководитель обсуждения осуществляет сбор и аналитико-синтетическую обработку необходимой информации: литературных фактов, мнений литературоведов и критиков, оригинальных прочтений и читательских оценок и т.п.; продумывает основную (красную) линию, тезисы дискуссии; составляет план ее проведения; решает, как ввести читателей в литературную проблему, каков первый задаваемый вопрос, каковы весь перечень и последовательность вопросов, каковы вероятные ответы аудитории и т.д. Функции руководителя обсуждения сложны и многообразны.

В ходе второго этапа (непосредственное обсуждение) ведущий должен умело ввести участников мероприятия в суть проблемы, формулировать и ставить вопросы перед аудиторией, анализировать и уточнять вопросы выступающих, организовывать обмен мнениями, постоянно активизировать ход дискуссии, побуждая к выступлению всех слушателей, дисциплинировать аудиторию, резюмировать сказанное, оценивать результат обсуждения. Эффективность обсуждения во многом зависит именно от действий руководителя.

Чтобы обсуждение литературного произведения было активным, количество участников не должно превышать 25–30 человек, собранных за круглым столом (идеальное число – 12 человек). Ведущий данного мероприятия создает оптимальные, комфортные условия (физические и психологические) для взаимодействия читательских мнений. Очень важно, чтобы каждый участник обсуждения чувствовал атмосферу полной безопасности и свободно высказывал собственное мнение.

В целях совершенствования профессионального мастерства и укрепления «обратной связи» с аудиторией на третьем, завершающем этапе обсуждения предлагается провести экспресс-анализ для выявления эффективности всей работы [см. Приложения].

В библиотечной жизни всегда есть место творчеству – новому, оригинальному, тому, что не терпит никаких клише.

Многие морально-этические проблемы в ракурсе современности могут стать предметами литературного диспута: взаимодействие богатства и нищеты, свободы и насилия, правды и лжи, любви и ненависти (мести), чувства и долга, памяти и забвения, разума и сердца, красоты и пользы, альтруизма и эгоизма, справедливости и беззакония и др.

Помните, что диалоговые формы, живое слово в библиотеке дают мощный импульс для развития всех сфер личности читателя.

Активное участие читателей в литературных дискуссиях способствует формированию новых психологических качеств (терпимости, общительности, открытости) и умений (слушать, публично выступать, убеждать). Большое значение диалоговые формы имеют и для развития личности и творческого потенциала самого библиотекаря.

Глава 6. Дискуссионный клуб в библиотеке: стратегия творчества

Клубы как социально-культурное явление имеют глубокие исторические корни.

Клубная деятельность людей, организованная на основе взаимного интереса в свободное время, существует, наверное, столько, сколько существует само человечество.

Так, уже в античности для греческой цивилизации были характерны любительские сообщества («лесхи»), предполагавшие бескорыстный взаимный интерес их членов и стабильную организационную структуру.

Клуб, в современном понимании этого слова, возникает на более поздней стадии общественного развития.

По мысли В.И. Даля, «клуб – это собрание, постоянное общество, которое собирается в особом помещении для беседы и увеселений» [69].

Специалисты по клубоведению понимают под клубом добровольное объединение людей на основе единства их целей, задач, интересов, деятельности, места и времени общения. Важно отметить, что клубом называют только такое объединение, в котором свободная коллективная деятельность людей носит общественно значимый характер, не является асоциальной.

«Клуб, – замечает С.С. Комиссаренко, – есть продукт культуры человека, его преобразовательной деятельности, направленной на обустройство себя и окружающего мира». Другими словами, клуб создают для того, чтобы удовлетворить духовные потребности, развить природные задатки и способности, реализовать разнообразные интересы и, в конечном счете, творческий потенциал личности [107, Библиогр., с. 77].

Признаками клуба называют стабильный состав участников, наличие совместной деятельности на основе общего интереса, свободный выбор занятий, оформленность группы, регулярность встреч и др.

Наряду с понятием «клуб» в профессиональной литературе также используются понятия «клуб по интересам», «любительское объединение», «читательское объединение», «творческое объединение».

«Объединение» по смыслу означает тот же клуб, но с более сложной организацией и функциональной структурой. Добавление слов «любительский» или «по интересам» свидетельствует о том, что в основе – интерес человека к чему-либо, его увлеченность, призвание, наклонности, заложенный в нем творческий потенциал. Зачастую сам участник клуба не может объяснить причину и природу своего увлечения (хобби).

Первоначально клубы получают распространение в Англии XVII в. Условным моментом возникновения английских клубов считается 1652 г., когда в Англию был завезен кофе. Летописец Сэмюэл Пипс упоминает таверну «Кофейный клуб», в которой собирались его друзья, чтобы обменяться новостями, обсудить их.

У кофейно-клубов позже появились постоянные посетители: в одной собирались торговцы, в другой – солдаты, в третьей – брокеры и т.д. Сначала вход в клубы был свободным, однако потом заведения стали закрытыми для посторонних лиц.

Женщинам вход в клубы был строго запрещен. Старейшие члены клуба принимали решения о допуске новых членов, собирались членские взносы, вводились различные ограничения. В дальнейшем клубы стали перебираться из кофейен в специально построенные здания.

В России первый Английский клуб был открыт в 1770 г. в Петербурге. Членами клуба являлись В.А. Жуковский, И.А. Крылов, Н.М. Карамзин, А.С. Пушкин. [111]

Клубы при библиотеках получают распространение в 20-е гг. XX в.

В резолюции I Съезда библиотечных работников РСФСР (1–7 июля 1924 г.) подчеркивалась, что массовая работа библиотек «должна быть рассчитана на впечатление формой, воздействие влиянием на зрение, слух, на любознательность людей, при использовании театральных клубных массовых действий».

В массовых библиотеках страны открываются клубы самых различных направлений. Зачастую библиотека и клуб, особенно в сельской местности, находятся под одной крышей. Так, например, в отчетном докладе Комитета ВКП (б) Ухтинского уезда отмечалось, что «в уезде имеется 7 изб-читален, 3 клуба и 31 красный уголок. В каждом очаге культуры работает 5–7 кружков. В библиотеках и кружках-читальнях проводят беседы, спектакли, громкие читки, обсуждения газет и журналов и др.».

Стремительные изменения в общественной жизни страны середины 80-х гг. XX в. (перестройка, гласность) принесли настоящее